

НИНА ДАШЕВСКАЯ

ВТОРОЙ

КомпасГид
издательский дом

Нина Дашевская

Второй (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38609993

Второй : рассказы : [для сред. и ст. шк. возраста : 12+] / Нина

Дашевская: КомпасГид; Москва; 2018

ISBN 978-5-00083-427-5

Аннотация

Нина Дашевская – писатель, умеющий парой слов раскрыть самое сокровенное в душе героя. Каждая её книга – будто коллекция психологических советов, только в тысячу раз увлекательнее, красивее, музыкальнее. В прозе российской претендентки на премию им. Астрид Линдгрэн главное – как высказана мысль.

Что движет нашу жизнь вперёд? Случайные встречи, неожиданные открытия, добрые слова – они вдруг заставляют нас вздрогнуть, оглядеться и что-то поменять. Художник Кнехт по-новому смотрит на опостылевший пейзаж «ратуша – булыжная мостовая – причал». Доминик преодолевает страх высоты и выходит из тени отца – великого канатоходца. Оля понимает, от кого на самом деле тот самый букетик цветов. А Прохор из рассказа, давшего название сборнику, преобразается – в настоящего музыканта, которому по силам сыграть великого и неприступного Моцарта!

Собранные под этой обложкой рассказы по-разному затрагивают одну тему: не всегда ты чувствуешь себя первым, но куда важнее, что ты – другой, самоценный. Сравнивать себя с кем-то, вроде более удачливым, талантливым, пробивным, – дело пустое: тот, кем ты был вчера, – единственный камертон тебе сегодняшнему.

Проза Нины Дашевской, двукратного победителя премии «Книгуру» и автора популярных книг «Вилли» и «Около музыки», как всегда, поразительно точна: писательница словно проговаривает ваши собственные мысли, ваши сомнения, ваши страхи. Для многих читателей 12–15 лет книга «Второй» может стать той самой случайной встречей, которая тронет до глубины души – и преобразит жизнь.

Содержание

Второй

6

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Нина Дашевская
Второй
(сборник)

© Дашевская Н. С., текст, 2018

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2018

* * *

Второй

Иду на специальность. Ослепительное солнце светит через закрытые веки, через кожу, через одежду, даже ногами чувствуется через кеды – идёшь по солнечному тротуару. Я иду медленнее, чем обычно. Солнце говорит: плюнь, Про, не ходи! Какие этюды, какой Бах, смотри, как тепло! Кончики пальцев чувствуют солнечный свет. Я дёргаю себя за ухо, за другое, за нос – очнись, Прощка, ты не на пляже! Вспомни, как ты хотел. Как ты поступал в эту школу, как тебя не брали и ты кулаком разбил балконную дверь, когда не прошёл, чего ты тогда хотел, а? Мечтал! Чтобы вот так, солнечным днём идти на специальность. Иди и радуйся! Лентяй, пингвин. Иди, иди-иди!

Тяжёлая дверь школы, у меня не хватает сил, чтобы дёрнуть её на себя, и мелькает мысль: вдруг закрыто? А? Ну вдру-уг!

Открылась. Ну ладно. Иди, не убьют же тебя там. Зато потом будешь с чувством выполненного долга пить чай в буфете, и, может быть, придёт Густав. Даже наверняка придёт, почему бы ему не прийти?

На уроке я играю Баха. От солнца мой Бах растекается в лужу, расплывается, разбитое яйцо на полу, пальцы путаются. А я ведь выстроил его, и уже было, было здание, такое

стройное, но хрупкое... Растеклось, рассыпалось. Эх, Прохор. Бездарность ты, нечего и воображать. В голове тоже лужа вместо мозга, и я слышу издали, будто сквозь вату:

– Ноты выучить может даже обезьяна! Где музыка? Где, я спрашиваю?! Бросил фразу! Локоть! Куда ты тянешь кота за хвост? Ну-у-у, теперь полетел, где ритм?!

Ключ стучит по столу. Раз-два, раз-два...

Самое обидное, что пришла уже следующая ученица, Аня Лернер, эх, и перед ней я так позорюсь!

Но всё заканчивается, и этот кошмар не бесконечен. Марго выгоняет меня и сама садится за рояль. Показывает, как надо. Так, а можно и так, совсем по-другому; главное, чтобы мысль была!

Я стою в дверях и стекаю по косяку. Нет, я не зря пришёл. Откуда она так может, Марго?! Откуда?!

Она встаёт из-за рояля, идёт к окну. Злится, значит. Когда так злится – даже смотреть на тебя не хочет, на это ничтожество.

– Все нервы у меня вытягиваешь, Прохор! Ноты ладно, ноты ты выучишь, с твоей головой вообще стыдно в таком виде приходиться. Но энергия, Прохор! Чем ты играешь, у тебя что, внутри вообще ничего нет? Мужчина ты или дохлая амёба? Никакого характера... Не солист, не ведёшь за собой! У девчонок больше силы, чем у тебя!.. Вот послушай сейчас Аню, послушай!

...У Ани Лернер узкие плечи, тонкие пальцы – спичка,

а не человек. Только волосы густые, чёрные, сильные-сильные, и глаза яркие. Этими глазами она смотрит на меня и шепчет губами: уйди, Про! Не слушай, уйди куда хочешь!!!

Ага, значит, и Аня сегодня не в форме. В моей предыдущей школе такого не было, а тут есть: на уроке часто сидит кто-то из одноклассников, и от этого так страшно играть, так страшно!!!

Я немного переживаю за Аню. Ведь это я разозлил Марго; и маленькая хрупкая Аня... Ой. Лучше не думать.

Я сижу на подоконнике, пью чай из пластикового стаканчика. Злюсь. Чай невкусный, обжигает горло. Злюсь на Марго и ещё больше – на свои руки, свою голову бестолковую, да и на Аню Лернер заодно. Ладно, ладно. Сейчас пройдёт, схлынет, и я смогу на холодную голову проанализировать...

Что? Какой анализ, Про! Ты что, смотри, какое солнце!

– Салют, Прохор! – Меня хлопают по плечу. – Как оно?

На спец ходил?

– Угу, на спец.

– А, то-то, я смотрю, у тебя вид такой отмороженный...

Как Марго?

– Ослепительна, – говорю, – сияет, как роса на траве. А я рядом с нею тускл и прогоркл.

– Про?... Прогоркл?

Мы начинаем ржать, как кони. Я изображаю, как Марго

плюётся мной, как я лежу, испорченное блюдо второго сорта, можете взять, уценка. Соныч знает, он тоже учился у Марго, она его довела до нервного срыва. Сбежал от неё, перевёлся к Зондбергу. Конечно, хрен редьки не слаще, но ему там легче, нашли контакт.

...И тут появляется Густав. Я всегда немного смущаюсь перед ним, понимаю: наша школа для таких, как он. А мы с Сонычем тут недоразумение.

Я смущаюсь, а Соныч повторяет ему мою шутку про Марго, как она ослепительна, а я тускл и прогоркл. Густав тоже смеётся. Я рад, что рассмешил его, хотя с Густавом вот так валять дурака, как с Сонычем, не могу.

* * *

Я поступил в нашу школу, специальную музыкальную, со второго раза и, в общем, случайно; не должен был, но прошёл. Взяли авансом. После меня на экзамене играла Аня Лернер, я слушал из-за двери и понимал, что мне тут нечего делать. Я просто умею ставить пальцы на клавиши. И всё. А делать музыку я не умею. Она звучит у меня внутри, но мои корявые руки не способны воспроизвести её. А Аня может.

И чудом я попал в класс к Марго. Мне сказали: пишите заявление к педагогу, а я никого и не знал, кроме неё.

У неё был концерт в кирхе, там бывают концерты. И мы

с мамой пошли. Марго играла Баха. Я тогда оцепенел. Впервые замер от музыки, думал только: пускай не кончается, не кончается! И потом эта музыка звучала в моей голове, долго, долго...

Ну и я написал заявление к ней, безо всяких надежд, на удачу.

И был зачислен.

Чудо.

Я до сих пор не могу выйти из этого оцепенения, когда Марго говорит мне: локоть веди! Играй, Прохор, что ты как амёба!!! Замороженный, ледяной мальчик! Скучный, не сольный... Тапёр, тебе бы в кинотеатре играть.

Они тут все другие. Они с детства. У них руки способны на всё, им остаётся только музыку делать. А я! Со своей деревенской школой – что я могу?!

Ну. И я стал делать то, что действительно могу. Смешить. Смешить весь класс.

– Новенький? Как тебя зовут? – просто, по-детски спросила одна девочка. Я потом узнал, что она Оля, флейтистка.

– Про, – сказал я.

– Как?..

– Про! Как противоракетная оборона.

– Ух ты, – сказала Оля, и другие тоже сказали «ух ты», и Аня Лернер, и, может быть, даже Густав.

Густав мне не понравился. Воображала, подумал я сра-

зу. Вот Соныч – нормальный парень, сразу видно. Свой. А Густав какой-то выпендрёжный. Тонкий шарф, пиджак... Больно следит за своей внешностью, что-то в этом есть неправильное для парня. И фамилия выпендрёжная, и имя – какой-то пазл, искусственное что-то, выдуманное: Густав Август. Анаграмма, имя из тех же букв, что и фамилия. Магический квадрат. Он, кажется, из Риги. В нём есть какая-то заграничность. Смотрит на нас свысока; ну и жил бы в своей Риге!

Он держался отдельно; в буфете садился один, если столы заняты – на подоконник. Не участвовал в наших общих штуках, когда мы флешмоб против англичанки придумывали... Я даже жалел его, думал, вот ненормальный. Какой-то аутист, людей боится.

Оказалось, ничего он не боится. Просто ему никто не нужен. Он просто другой. Не мы.

– Пойдём, послушаем, – сказал мне Соныч. Ну, послушаем так послушаем, никто не запрещает.

– Пойдём, а кто сегодня будет? – спросил я.

– Так Густав же, – объяснил Соныч. Удивился моему незнанию. Ведь список репетиций в зале вывешен на двери. И все знают, когда Густав Август.

...В зале было человек тридцать. Нормально для школьника вообще: просто урок, не концерт – откуда они понабе-

жали все?

– Это же Густав, – сказал мне Сони́ч.

Значит, кто-то раскрутил этого Густава, значит, тут принято, что он талант. А на самом деле всего лишь нужно научиться нажимать правильные клавиши в правильное время. Вот и весь ваш пианизм, всё ваше волшебство...

Да, и сначала он играл – ничего особенного. Ну, хороший пианист. Нормальный.

А потом начался Скрябин. И у меня стул поехал из-под ног.

Не знаю, чем это объяснить. Может, всё очень просто. Просто Густав – гений.

Меня будто крепко взяли и повели за собой. И я пошёл. Как дурак. Так бывает во сне, когда не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не чувствуешь туловища, весь становишься одни уши и в груди стучит сердце. Сердце с ушами, такой уродец. И думаешь: только бы не кончилось, не кончилось...

* * *

Ночью я слушал этого Скрябина. В записи, разных пианистов. Может, дело не в Густаве? Может, просто такая музыка? Казалось, меня в какую-то воронку засасывает. Никогда такого не было раньше.

Кот раньше не любил пылесос, а потом ничего, втянулся.

И я втянулся. Внутрь этой музыки.

Потом Густав играл на классном концерте, и я ждал: будет такое же волшебство или нет? Когда ждёшь, обычно не бывает. Ничего особенного. А тут – было.

С тех пор когда я видел его, то хотел побыстрее уйти. Мне было не по себе, что человек, который так умеет, волшебник, – просто сидит рядом, ест, говорит изредка с другими... Но когда я шёл в школу, часто думал: вдруг будет Густав? Вдруг?

Гусь лапчатый. Больно надо. Воображала.

* * *

Один раз Густав спросил меня, что было на математике.

– Разложение многочленов на множители, – говорю.

– Какое ещё разложение? – не понял он.

– Моральное, – объяснил я.

Он моргнул, а потом расхохотался. Я страшно гордился своей шуткой, дня три. Да вру, не три – мне до сих пор кажется, что это дико смешно.

* * *

На камерный меня поставили с Олей. Камерный ансамбль, играть дуэтом или трио, например. Мне было всё

равно с кем, я же никого не знаю. И Олю я не запомнил. У неё такое лицо обыкновенное. Это она меня тогда первая спросила: как тебя зовут?

Я потом несколько раз на других девчонок думал, что это и есть Оля, даже здоровался.

А когда она подошла и сказала:

– Мы с тобой вроде по камерному, да?

Я ответил:

– Нет, у меня Оля Коровина.

– Так это я же!

Вот я балда, надо же так ошибиться. Ну правда, таких лиц обыкновенных полшколы. Оля и Оля.

Но она не обиделась. Говорит: когда мою фамилию увидела, сразу обрадовалась.

– Ну да, когда люди мою фамилию видят – они всегда радуются.

Оля смеётся. Ничего, кстати, Оля, когда смеётся, – у неё ямочка, но не на щеке, а выше, на скуле. Слева. А справа нет. Хорошо смеётся, легко. Обычно девчонки хихикают глупо.

Прохор Небейголова и Ольга Коровина. Отлично.

Чувствую, хорошенький выйдет у нас с ней этот камерный ансамбль.

* * *

И правда вышел. И неплохой. Мой любимый теперь пред-

мет. На камерный я лечу с радостью, и весь день сияет с самого утра, если вечером камерный. Не из-за Оли, нет.

Меня полюбила учительница, Ольга Степановна. Она много болеет, и мы ходим заниматься к ней домой. Раз я слышал, как по телефону её называли Лёлочкой, и про себя теперь зову её так, хотя ей за пятьдесят, наверное. На втором уроке она сказала, что у меня редкие уши. Я сначала не понял: нормальные уши у меня, не торчат; но она про другое говорила. Что пианисту обычно трудно сдерживать в себе солиста, с нами бывает трудно играть. А я умею слушать другого. Я тонкий. Я... Такое слово «деликатный». Я такого даже не знал.

«Прохор, ваша природная деликатность иногда даже несколько мешает вам». Да, Лёлочка с нами на «вы». Маленькая, хрупкая, со спины – девочка с почему-то седыми волосами.

И вот она первая сказала мне, что я – могу. Стбю. Что у меня есть то, чего у других нет. Что Оле со мной повезло.

И из Оли моей она тащит, тащит... Оля – средняя флейтистка, я сразу понял: несмелая, просто такая лирическая девочка, в маленький оркестр куда-нибудь сядет и будет тихонько играть. На вторую флейту. И мне жаль Олю. Я чувствую, она как я: внутри у неё всё есть. Океан внутри, много. Не позволяют то ли руки, то ли дыхания не хватает; флейта – трудный инструмент, очень много воздуха впустую уходит, то есть не впустую, а мимо флейты. Так нужно дуть, что-

бы воздух рассекался и внутрь инструмента попадало совсем немного. Так и есть: дуешь, дуешь в эту флейту, а на выходе – пятая часть того, что вложил.

Оля привыкла, чтобы ей на экзамене говорили: какая хорошая девочка, умная. Молодец. Четыре.

Мне с ней правда было очень хорошо играть, уютно. И Лёлочка со временем нас стала из этого уюта вытаскивать.

«Если вы собираетесь так в переходе играть, то пожалуйста. Парковая игра. Но если в зале... Хорошо, мои дорогие, сидеть дома в тёплом одеяле. Давайте, делайте что-нибудь! Вам же есть что сказать! Так говорите! Чтобы слушателя пробить, в самую середину... Понимаете? Слушатель – он любит в скорлупе своей сидеть и чтобы ему красивое кино показывали... Но если вы его пробьёте, ребятки, – он ваш, навсегда... Вы Моцарта играете, зайцы мои, это же концентрат всего, что в мире есть! В мире не только тёплые тапки!!! Чего вы играете, а?»

То есть она говорила мне то же, что и Марго. Но как-то иначе. Как-то не «эх ты, амёба», а «давай-давай, сможешь!».

* * *

Потом мы шли с Олей к метро, и она мне рассказывала. Что вот я, со мной понятно: из маленькой музыкальной школы в райцентре, я талантливый, добился, поступил, с нуля... А у неё всё было: мама скрипачка, Олю учила с трёх лет, на

скрипке не вышло, потом врачи велели слабые лёгкие развивать – вот и флейта, эта спецмузшкола с первого класса, лучший учитель, и что... И ничего. Плывёт по течению.

И понимает, понимает. Что никакого большого музыканта из неё не выйдет.

– Не говори ерунды. Ты хороший музыкант, ну, не орёшь в лоб, но с тобой играть мне нравится. И тонко, и содержательно.

Я хвалю её и даже, может, немного привираю. Ну чего она так к себе? Что за комплекс серой мыши? Нормально играет, не хуже других. И она отвечает:

– Знаешь, у флейтистов принято флейтой болтать во все стороны. Когда стоишь просто, тебе говорят: невыразительная игра. А я не могу, это мне искусственно, не нужно. Зачем это, будто флейтой мух гоняешь, что, от этого звук лучше?

Смешно. Мух гоняешь... Не, эта Оля – молодец. Хотя она правда зажато стоит, как в первом классе. Мне даже любопытно вытащить её из кокона, освободить, чтобы ей легко было играть, чтобы самой нравилось.

Мы занимаемся вечером в школе, допоздна.

– Давай, – говорю я, – что ты... Как дохлая амёба, играй давай, у тебя же есть внутри!

Оля не обижается. И не хочет уходить. И мне вдруг становится страшно. На улице темнеет; мне сейчас ещё её провожать придётся... Не, мы так не договаривались! И сейчас

тоже, вдвоём в классе... Может, она думает про меня что лишнее?

Я хватаюсь за телефон, стараюсь выдумать себе срочное дело.

– Слушай... Я к Сонычу обещал зайти, он здесь где-то...
Пойдёшь со мной?

– К Сонычу? – Оля почему-то краснеет. – Нет, я ещё занимаюсь лучше.

– Тебя потом проводить, может? Поздно уже?

– Нет, – твёрдо мотает она головой, – я сама.

Ну, сама так сама, чего я буду навязываться. Я иду вниз, смотрю журнал на вахте, где мы берём ключи и расписываемся. Сон-Левитин, ага, восемнадцатый класс, соседний с моим.

В его классе темно и холодно. Я вхожу и не сразу вижу Соныча на фоне окна.

– Ты чего, Дим? Можно свет включить?

– А, это ты... Не, у меня глаза болят, не надо.

Я иду к нему и чуть не наступаю на ноты – валяются на полу. Соныч раскидал. Вот псих! Глаза привыкают к темноте, и я вижу: Соныч без рубашки. По пояс голый, смотрит в открытое окно. Холодно ведь!

– Ты чего голый, Соныч?

– Ничего... Так. Жаркая битва с Шопеном.

– Вижу, – я смотрю на раскиданные ноты, – передрались?

– Ну, так, – встряхивает головой он.

Я впервые вижу, какие у него мышцы. Это тебе не я, Прохор, дохлый пианист-очкарик; у Соныча всё на месте. Дима Сон-Левитин, мой друг, корейско-еврейского происхождения: у него странный, страшно красивый разрез глаз, чёрные азиатские волосы и, как оказалось, широкие плечи и крепкий пресс.

– Ты качаешься? – спрашиваю его. Прямо модель из журнала, никогда бы не подумал!

– Так, – отвечает опять Соныч.

Он молчит, потом закрывает окно. И говорит:

– Слушай, Про... Вот Оля. Оля. У вас... Да?

– Чего у нас? У нас камерный ансамбль, а ты что думал?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.